

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ЗА КУЛИСАМИ НОБЕЛЕВСКОЙ МОНОПОЛИИ

И. А. Дьяконова

«Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» («Бранобель») являлось наиболее мощной и влиятельной нефтяной монополией в России. В 1901 г. В. И. Ленин охарактеризовал ее как предприятие, которое «держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс»¹. Развитие «Бранобеля» было бурным и хищническим. Основными хозяевами на всем протяжении его существования оставались представители предпринимательской династии Нобелей, обанкротившейся в Швеции еще в первой половине XIX в., но вновь разбогатевшей уже на российской почве, сначала путем реализации военных изобретений, а затем посредством чрезвычайно прибыльного участия в поставках царской армии вооружения и снаряжения со своих постепенно разраставшихся петербургских металлообрабатывающих предприятий в ходе двух крупных военных confrontаций (Восточной войны 1853—1856 гг. и русско-турецкой войны 1877—1878 гг.).

Основной капитал «Бранобеля», официально оформленного в виде акционерного общества в 1879 г., был, бесспорно, российского происхождения, а его заправилы — представителями российской буржуазии, несмотря на скандинавские семейные истоки. Вместе с тем возникают вопросы: предпринимались ли на протяжении XIX в. попытки «дерусификации» капитала «Бранобеля», исконно связанного с эксплуатацией труда российских рабочих? Если предпринимались, то сохранил ли он в дальнейшем независимость от иностранного капитала? С чем связано вытеснение в 1911 г. из российского нефтяного бизнеса основного соперника «Бранобеля» — парижского банкирского дома Ротшильдов? Какова подспудная причина специфики действий «Бранобеля» в дизелестроении по мере превращения нефтепродуктов из средства освещения в опору энергетики? В данном очерке предпринята попытка ответить на некоторые из этих вопросов на основе привлечения новых документов.

В советской историографии история нобелевского концерна обычно затрагивается лишь в общих исследованиях, касающихся проблем нефтяной промышленности дореволюционной России. Специальных монографических работ на эту тему пока нет, а потому личная переписка руководителей «Бранобеля», святая святых любой монополистической корпорации, практически почти не использовалась. В буржуазной литературе бытует версия, будто эта переписка погибла в 1917 году². Однако это не соответствует действительности. Сохраненные архивистами Ленинграда во время блокады города в 1941—1943 гг. фолианты личной переписки находятся сейчас в ЛГИА СССР и ЦГИА СССР. Имеющиеся в их составе конфиденциальные письма заправила «Бранобеля» на шведском, норвежском, немецком, французском и английском языках послужили основным источником для очерка.

Первым из Нобелей, обратившим внимание на Россию в качестве сферы наживы,

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 83—84.

² См.: Н. Pauli. Alfred Nobel. Dynamite King—Architect of Peace. N. Y. 1942.

был Э. Нобель, родившийся в 1801 г. в шведском городке Евле. Оставшись в 16-летнем возрасте без средств, он нанялся на корабль матросом, в Египте сошел с судна и работал на различных стройках у египетского правителя Мухаммеда-Али. Изучив несколько ремесел и вернувшись в 1820 г. в Швецию, Э. Нобель обратил на себя внимание сооружением триумфальной арки в честь посетившего его родной город короля. Последний обеспечил ему возможность получить техническое образование. В 1828 г. на средства из приданого невесты предприимчивый Э. Нобель организовал собственную мастерскую. В 1829 г. в семье родился сын Роберт, впоследствии ставший инициатором вовлечения своих братьев в нефтяной бизнес, в 1831 г.— Людвиг, будущий первый глава российской нефтяной монополии, в 1833 г.— Альфред-Бернхард, будущий изобретатель динамита и организатор двух международных динамитных трестов³.

В 1837 г. Э. Нобель, успевший к тому времени обанкротиться из-за неудачного порой изобретательства, оставив семью в Швеции и опасаясь от преследований кредиторов, переехал в Петербург, где предложил царскому правительству через посредство вел. кн. Михаила Павловича образцы сконструированных им сухопутных и морских мин. Правительство выдало Нобелю субсидию в 25 тыс. руб., взяв с него обязательство остаться в России и устроить мастерскую для изготовления подводных мин⁴. Нобель при поддержке военного инженера Э. И. Тотлебена (сыгравшего в 1854 г. заметную роль в организации Севастопольской обороны) оборудовал в Петербурге специальное механическое заведение. В 1841 г., получив от военного ведомства еще 40 тыс. руб. за изготовление сухопутных мин, он расширил производство вооружения на своем заводе и наладил литейное дело⁵. Нобелевский завод вскоре превратился в крупное по тому времени предприятие с более чем 1 тыс. рабочих и высокой предпринимательской прибылью⁶. К 1852 г. шведский банкрот, на российской почве превратившийся в процветающего промышленника и первой гильдии купца, не только расплатился со своими скандинавскими займодавцами, но и сам начал предлагать помощь своим родственникам, оставшимся в Швеции⁷.

Несколько ранее Крымской кампании, в предвидении возможного нападения английского флота на Петербург, Нобелю было поручено установить изготовленные на его заводе мины для прикрытия Кронштадта и Свеаборга⁸. На втором году Восточной войны нобелевский завод получил от царского правительства выгодный заказ на постройку паровых двигателей для кораблей военно-морского флота. Было изготовлено 11 паровых машин мощностью от 200 до 500 л. с. каждая. Нобель кооперировался с петербургским промышленником Н. И. Путиловым⁹ в изготовлении механизмов для других кораблей, а по окончании войны занялся выполнением частных заказов: было построено 50 волжских пароходов, выпускалось оборудование для собственных нужд завода (в частности, 300-пудовый паровой молот). Однако такое направление производства в условиях дореформенной России оказалось недостаточно рентабельным. Нобелю грозила растрата уже накопленного фонда прибылей.

Нобель-старший еще в начале 40-х годов XIX в. перевез семью из Швеции в Россию и усиленно обучал своих детей русскому языку. В 1858 г. А. Нобель (младший сын) был отправлен семейством в Англию и Францию на поиски займа для капитальной реконверсии предприятия, но эта попытка окончилась неудачей¹⁰.

Вскоре Нобель-старший вернулся на родину, где вместе с сыном занялся производством взрывчатых веществ, построив нитроглицериновый завод. Альфред, прославившийся умением подбирать энергичных сотрудников, хотя бы за счет (как он

³ «Alfred Nobel och hans släkt». Stockholm. 1926, ss. 46—47; H. C u n y. Nobel de la dynamite et les prix Nobel. P. 1970, p. 64.

⁴ R. H e n n i g. Alfred Nobel. Der Erfinder des Dynamits und Gründer der Nobelstiftung. Stuttgart. 1912, S. 9.

⁵ N. H a l a s z. Nobel. N. Y. 1959, p. 18.

⁶ R. S o h l m a n, H. S c h ü c k. Nobel. Dynamite and Peace. N. Y. 1929, p. 41.

⁷ H. P a u l i. Op. cit., p. 31.

⁸ «Механический завод «Людвиг Нобель». 1862—1912». Б. м. Б. г., стр. 2.

⁹ F. H e n r i k s s o n. The Nobel Prizes and Their Founder Alfred Nobel. Stockholm. 1938, p. 32.

¹⁰ Ch. M a r v i n. The Region of the Eternal Fire. L. 1884, p. 286; N. H a l a s z. Op. cit., pp. 38—39.

сам выражался) «совести, подобной индийской резине», быстро сколотил себе состояние и после смерти отца в 1872 г. стал главою заграничной ветви династии Нобелей. Его финансовое процветание зиждилось в основном на производстве динамита, изобретателем которого он был признан повсеместно (с оформлением соответствующих патентов). А. Нобель был ярко выраженной космополитической фигурой. «Моя родина там, где я действую, а действую я везде», — заявлял он. Динамитный король, сконструировавший, между прочим, специальный аппарат для бесшумного самоубийства (отдаленный прототип электрического стула), поражал своей безапелляционной наглостью и цинизмом суждений даже выдавших виды компаньонов. К людям он относился с едва скрываемым презрением, сравнивая человечество со «стаей бесхвостых обезьян, носящихся по мировому пространству, уцепившись за земной шар». Подобное кредо ни в коей мере не препятствовало ему, конечно, шагать вверх по лестнице капиталистической иерархии. В дальнейшем при его активном участии сложились два динамитных треста: англо-германский («The Nobel Dynamite Trust») с правлением в Лондоне и «латинский» («Société Centrale de dynamite») с правлением в Париже¹¹.

Российская ветвь этой промышленной династии после отъезда Э. и А. Нобелей за границу была возглавлена Людвигом, действовавшим рука об руку с третьим из братьев, Робертом. Они также были далеки от того, чтобы ограничивать себя ролью статистов большого бизнеса. Оба строили свое благополучие на крупных прибылях с заводов в Петербурге, имевших весьма разнообразную номенклатуру механического производства — от простых сверл до бурового оборудования. В 1867—1875 гг. там было перелано более 100 тыс. винтовок старого образца, заряжавшихся ранее с дула, на замковое устройство. Сблизившись в этой связи с представителем военного ведомства П. А. Бильдердингом, позднее отставным генералом и членом правления «Бранобеля», Л. Нобель арендовал совместно с ним на 8-летний срок казенный Ижевский оружейный завод и выпустил там за это время свыше 453 тыс. винтовок¹². Нобелевскими заводами выпускалось также артиллерийское вооружение. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. они поставили царской армии все снаряды некоторых калибров, а также ряд видов другой военной продукции. Одних только снарядов было изготовлено 920 тысяч. Прибыльное участие в военных поставках приумножило ресурсы заводов Нобелей и укрепило их ориентированный именно на эксплуатацию российских рабочих характер. Значительно упрочились и связи Нобелей с высокопоставленными деятелями самодержавия.

На нефтепродукты как на потенциально главный источник наживы брата Нобель впервые обратили внимание в конце 60-х годов прошлого века, вскоре после запрещения властями (из-за частых взрывов) кустарного производства нитроглицерина в Финляндии. Тогда Р. Нобель организовал в этой части Российской империи торговлю привозным керосином¹³. В 1872 г. прежняя система откупа нефтеносных земель была заменена системой торгов. К этому времени Р. Нобель оказался на Кавказе благодаря знакомству А. Нобеля с грузинским семейством кн. Дадияни. Поводом для поездки явился поиск массивов орехового дерева, необходимого для выделки оружейных прикладов. Но вскоре необходимость в нем отпала, так как военное ведомство разрешило использовать на эти цели березовую древесину. Вояж на юг дал иные результаты: с 1873 г. Р. Нобель окончательно переключил свое внимание на нефтяное дело. Братья Нобель, будучи предприимчивыми дельцами, верно оценили момент для внедрения в бакинскую нефтяную промышленность: у Роберта был опыт торговли керосином, Людвиг мог обеспечить выпуск значительной части оборудования, Альфред в случае необходимости мог оказывать своим действовавшим в России братьям финансовую поддержку. К 1876 г. братья Нобель, обзаведшиеся собственным керосиновым заводом, имели образцы нефти из своей буровой скважины¹⁴, а три года спустя новое нефтяное предприятие было акционировано и стало называться «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель».

¹¹ E. Bergengren. Alfred Nobel. The Man and His Work. L. 1962, pp. 87—92.

¹² «Механический завод «Людвиг Нобель», стр. 7.

¹³ N. H a l a s z. Op. cit., p. 128.

¹⁴ Р. Э. Нобель — Г. В. Абику 5.VI.1876; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 2, д. 379, лл. 1—2.

Русская нефть в качестве основного объекта бизнеса оказалась исключительно привлекательной для Нобелей, поскольку затраты промышленников на рабочую силу были в России минимальными. Даже позднее, когда под давлением рабочего движения эти расходы несколько возросли, они по своим размерам не превышали дотаций «Бранобеля» на содержание полиции. В 1901 г. при выработке 1 пуда керосина на оплату рабочей силы затрачивалось 0,75 коп. при 8,2 коп. общей себестоимости выработки «Бранобелем» каждого пуда керосина; в том году «Бранобель» реализовывал керосин в среднем по 1 руб. за пуд на внутрироссийском рынке и по 35 коп. за пуд на экспортном рынке¹⁵. Один из английских инженеров, много лет работавший в бакинской нефтяной промышленности, в энциклопедическом справочнике для бизнесменов, «оперирующих или собирающихся оперировать в российской нефтяной промышленности», с нескрываемым удовлетворением констатировал, что в условиях Баку, где расходы на заработную плату рабочих до того низки, что смертность нефтяников имеет аналог лишь в виде смертности рабочих на золотых коях английской части Африки, — налицо неограниченные возможности получения высоких прибылей¹⁶.

Именно на нефти Нобели наживались особенно безудержно, став одними из ведущих организаторов изощренно жестокой, потогонной системы эксплуатации российских рабочих, лишенных не только элементарных жилищных условий, но зачастую даже пригодной для употребления пресной воды. Нобелевские нефтеналивные суда, отвозившие нефтепродукты из Баку в Астрахань, на обратный рейс загружались волжской водой, которая использовалась для рабочих столовых и для считавшихся первоочередными нужд орошения парка. В этом парке находилась резиденция местной администрации «Бранобеля». «Задыхаемся без бань, без хорошей воды», — заявляли рабочие в своих петициях. Фотоснимки донесли до наших дней многочисленные изображения целых групп тружеников, вынужденных работать буквально по поясу в нефти, чтобы устранить неисправность какого-либо старого трубопровода или проложить новый. Эпидемии холеры косили трудовой люд беспрепятственно, чему способствовала и скученность жилья. «Наши дети задыхаются в тяжелых условиях балаханской жизни и мрут, как мухи... Летом смертность доходит до 80%»¹⁷, — писали позднее рабочие. Даже известный буржуазный журналист С. Д. Протопопов, брат одного из царских министров, после посещения бакинского нобелевского предприятия записал в дневнике: «Были мы в Черном городке на заводе Нобеля... Стучит, гремит, и тысячи рук работают в грязи над приготовлением керосина и обогащением хозяев. С технической стороны — прелестно, с гуманитарной — черно, черно...»¹⁸.

Наживавшиеся за счет российских тружеников прибыли нобелевской нефтяной компании росли, словно снежный ком: только за 1879—1883 гг. они увеличились почти в 17 раз (с 183 тыс. руб. до 3,088 млн.). При этом «Бранобель» сметал с пути мелких конкурентов и увеличил свою долю в общероссийской добыче нефти с 1,4% до 25,9%, а долю в общероссийском производстве керосина — с 4,5% до 49,1%. Правда, еще в ходе этого первого взлета нобелевской монополии стало очевидным, что с окончанием строительства железной дороги Баку — Батум у Нобелей появятся серьезные соперники, заинтересованные в экспорте российского керосина.

А. Нобель, числившийся долгие годы одним из руководителей «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель», но так ни разу и не посетивший Баку («безводная, грязная, пропитанная нефтью пустыня не привлекает меня; предпочитаю пребывать под сенью деревьев»¹⁹), вместе с тем так же ревностно, как и его родственники в России, интересовался проблемами извлечения наибольших бары-

¹⁵ С. и Л. Першке. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис. 1913, стр. 124—125; «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914». М.-Л. 1961, стр. 271, 753.

¹⁶ A. Ve e b y - T h o m p s o n. The Oil Fields of Russia and the Russian Petroleum Industry. L. 1908, p. 66 etc.

¹⁷ «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917». Л. 1973, стр. 64.

¹⁸ ЦГАЛИ СССР, ф. 389, оп. 1, д. 2, л. 8.

¹⁹ H. P a u l i. Op. cit., p. 165.

шей из русской нефти. В конфиденциальных письмах в Россию он выдвигал далеко шедшие планы максимального увеличения прибыли. Эта закулисная финансовая «кухня» «Бранобеля» предстает в обнаженном виде при ознакомлении с перепиской братьев. Если Л. Нобель, ставший с 1880 г. фактически единоличным распорядителем «Бранобеля»²⁰, придерживался традиционных взглядов на возглавлявшуюся им фирму как на своеобразный «семейный дом», то А. Нобель, видимо, лучше улавливавший монополистические тенденции развития фирмы, журил брата за недостаточное внимание к расширению ее финансовой базы на современной банковской основе, считая, что для широкого разворота дела в мировом масштабе собственными капиталами Л. Нобеля и его сателлитов не обойтись. «По моему мнению,— писал он в марте 1880 г.,— нужно брать расчет на использование подавляющей массы капиталов, ибо это отпугивает конкуренцию. Насколько я понимаю, капитала потребуются в действительности около 200 млн. руб.»²¹.

Непосредственно собственный капитал «Бранобеля» составлял к тому времени лишь 4 млн. рублей. Зная об этом, А. Нобель спрашивал Людвиг: «Почему ты не хочешь предоставлять больше $\frac{1}{3}$ иностранным капиталам? Ведь не вредит же делу мое личное участие известной долей»²². Альфред располагал к тому времени в капитале «Бранобеля» 115 тыс. руб. против людвиговых 1 610 тыс. и 930 тыс. руб. отставного царского генерала П. А. Бильдердинга²³. Ко времени смерти Альфреда (1896 г.) размер имевшегося у него в «Бранобеле» капитала увеличился почти до 2 млн. руб., однако и это составляло опять-таки меньше $\frac{1}{20}$ доли общих капиталов фирмы. Для расширения финансовой мощи монополии Альфред рекомендовал Людвигу привлечь французского капиталиста и министра П. Барба, компаньона А. Нобеля по «латинскому» динамитному тресту: «Барб тоже мог бы войти в бакинское предприятие примерно с 50 млн. руб.»²⁴.

Из многочисленных конфиденциальных посланий А. Нобеля в Россию с полной очевидностью выявляется его стремление поставить нефтяное предприятие на столь широкую ногу, чтобы в дальнейшем превзойти по размаху рокфеллеровский трест «Стандард ойл». Достичь этой цели он предполагал посредством установления тесных связей «Бранобеля» не только со шведскими, но и с другими, более крупными иностранными капиталистами, в частности из числа способствовавших финансированию производства взрывчатки. При этом А. Нобеля не беспокоила вероятная потеря финансовой самостоятельности «Бранобеля». Л. Нобель придерживался более осторожной тактики, ставя себе относительно ограниченные задачи и отдавая должное роли налаженных ранее тесных связей с государственным аппаратом России для процветания его предприятий. Благодаря связям Людвиг сумел добиться отмены в 1877 г. на 10 лет казенного акциза на российский керосин и введения запретительной пошлины (в золотом исчислении) на ввоз американского керосина.

Хотя в прошлом А. Нобель являлся учеником русского химика Н. Н. Зинина, в своих письмах брату он высказывался против налаживания самостоятельного производства динамита в России. Принимая к сведению мысль Л. Нобеля о том, что «настало время основать динамитную фабрику в России», он высказал по этому поводу сомнение: «А не собирается ли русское правительство, под влиянием недавнего безумного покушения²⁵, принять в качестве первого ответного шага меры по затруднению изготовления и транспорта взрывчатых веществ?» Это производство Альфред считал сферой личной компетенции и брату отводил в данной области вспомогательную роль подставного лица. В марте 1880 г. он просил Людвиг выслать ему доверенность на право голосования на собраниях акционеров североамериканского «Атлантического порохового общества»: «Мне стыдно беспокоить тебя насчет доверенности, но формалисты из Сан-Франциско настолько придирчивы, что никак не

²⁰ В 1880 г. Р. Нобель заболел туберкулезом, отошел от дел и переселился в Западную Европу.

²¹ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, л. 289.

²² Там же.

²³ «25-летие Т-ва нефтяного производства бр. Нобель». СПб. 1904, стр. 49.

²⁴ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, л. 288.

²⁵ Имеется в виду взрыв в Зимнем дворце, организованный С. Н. Халтуриным (5 февраля 1880 г.).

могу обойтись без этого»²⁶. Из письма видно, что Альфред вкладывал в указанное акционерное общество свои личные капиталы от имени Людвига, стремясь обеспечить за собой таким путем повышенные возможности при решении дел голосованием в руководстве пороховой компании.

В ряде случаев А. Нобель, как бы обучая Л. Нобеля особенностям рекомендованного им значительного вовлечения в дело иностранного капитала, упрекал «нефтяного брата» за небрежность в финансово-банковских вопросах. Особенно характерно письмо от 20 сентября 1883 г., в разгар первого взлета монополизационных успехов «Бранобеля», когда Людвиг, увлекшись техническим расширением удачливого предприятия, стал пренебрегать точным выполнением условий обращения с ротшильдовскими векселями. «Это может положить конец кредиту»²⁷, — предупреждал А. Нобель. Он понимал, что положение являлось в тот момент вдвойне опасным для «Бранобеля», так как именно с мая 1883 г., после «чернового» завершения Закавказской железнодорожной линии Баку—Батум, открывшей возможность экспорта российского керосина на Запад, парижский банкирский дом Ротшильдов начал подготавливать путем мер по затруднению кредита для «Бранобеля» вторжение в российский нефтяной бизнес (оно произошло в широком масштабе в 1886 г.). В этих условиях малейшее пренебрежение документами грозило повлечь за собой в самый неподходящий момент полное прекращение кредитования «Бранобеля» со стороны Ротшильдов, а также банка «Лионский кредит»²⁸.

А. Нобель не ограничивался платоническими советами брату и временами оказывал ему финансовую поддержку. По внутренним отчетным документам прослеживается увеличение собственного капитала «Бранобеля»²⁹ не только за счет бешено возраставших прибылей, но и в связи с дополнительными вложениями со стороны А. Нобеля. Л. Нобель, отнюдь не пренебрегавший возможностями взаимодействия с «динамитным королем», писал ему: «Помощь, которую ты нам оказываешь, очень ценна, и я надеюсь, что теперь люди перестанут говорить, что фирма братьев Нобель является, в сущности, фирмой одного Людвиг Нобеля». Между прочим, узнав об этом довольно тривиальном комплименте при ознакомлении с нобелевскими архивами в Швеции, шведский буржуазный историк Э. Бергенгрен использовал его как повод для необоснованного преувеличения роли А. Нобеля и тем самым нероссийского капитала в «Товариществе нефтяного производства братьев Нобель»³⁰.

Документы, хранящиеся в архивах СССР, позволяют уточнить ряд существенных обстоятельств: «Бранобель» под руководством Л. Нобеля стоял к тому времени достаточно уверенно на собственных ногах, то есть строил свое процветание на высоких прибылях от эксплуатации труда рабочих, что позволяло ему мобилизовывать финансовые средства путем выпуска и распространения облигаций и акций внутри России. Помощь же со стороны А. Нобеля брату строилась столь расчетливо, что началась переливание части средств из российской нефтяной промышленности в карманы Альфреда, а не наоборот. Одновременно та же переписка свидетельствует о том, что А. Нобель не был полновластным хозяином в созданных при его участии динамитных трестах Запада. В январе 1884 г. он писал Людвигу: «Как видно из сообщения Белямина (один из директоров «Бранобеля». — И. Д.), в Петербурге путем операций с продажей акций удалось получить больше, чем затрачено. Поэтому хотелось бы просить тебя распорядиться о переводе мне причитающейся чистой разницы»³¹. Удобнее всего, если ты переведешь 27 958,65 марки Динамитному акционерному обществу в Гамбурге (я являюсь их должником), а остальную сумму, в виде 40 529,57 франка, перешлешь мне чеком на Париж»³². В том же письме он

²⁶ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, лл. 289, 291.

²⁷ Там же, л. 285.

²⁸ Там же, лл. 284—285.

²⁹ «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914», стр. 750.

³⁰ E. Bergengren. Op. cit., pp. 79—83.

³¹ А. Нобель взыскивал со своих российских родственников любую, даже грошовую задолженность: «В счетоводстве нужна точность», — напоминал он (ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 225, л. 298).

³² Там же, л. 295.

сообщал о «своих расходах по синдикату», подробно разбирал выгодность проведенных операций и указывал, что закупленные для него лично акции «Бранобеля» временно зарегистрированы во Франко-Русском банке и в банке И. Гольдшмидта («для того, чтобы не указывать Петербургской бирже, кто именно купил акции»), а также советовался с Л. Нобелем, как лучше оформить последующее распоряжение приобретенными ценными бумагами. Наряду с личным приобретением добавочного количества ценных бумаг «Бранобеля» А. Нобель время от времени содействовал Л. Нобелю при заключении последним краткосрочных займов вне пределов России.

После смерти Л. Нобеля в 1888 г. основное руководство «Бранобелем» вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей эксплуататорский строй в России, осуществлял сын Людвиг Эммануэль. С племянником Альфредом задолго до смерти брата наладил такую же оживленную и доверительную переписку, как и с Людвигом. В августе 1889 г. Альфред предпринял недвусмысленную попытку повлиять на Эммануэля в том же направлении «дерусификации» капиталов «Бранобеля», в каком старался воздействовать на Людвигу. При этом он хотел включить в эксплуатацию российских нефтяных богатств не только свои капиталы (что частично было сделано) или капиталы П. Барба, но и средства созданных на Западе динамитных трестов. «Барб в принципе соглашается, — сообщал он, — со следующим вариантом: капитал в трех равных долях — от трестовской группы, Барба и меня. Ты предоставляешь имя и соблюдаешь общие интересы»³³. Этому широко задуманному плану европеизации «Бранобеля» не суждено было осуществиться. Барб вскоре умер. В октябре 1889 г. А. Нобель выдвинул новый вариант расширения финансовой базы «Бранобеля», предлагая привлечь к российскому нефтяному бизнесу средства крупнейших германских и отчасти швейцарских банков через налаженные связи с банкиром И. Гольдшмидтом, которому должен был причитаться 1% комиссионных. В плане вводной операции по реализации нобелевских ценных бумаг Альфред отвел Эммануэлю («тебе и твоей группе») 60%, а себе — 40%³⁴, отразив довольно точно обоюдное соотношение в их финансовой мощи и уступив пальму первенства племяннику по общей сумме контролируемых капиталов.

Ход споров вокруг имущества Альфреда Нобеля после его смерти подтвердил тот факт, что российская ветвь семейства сумела сохранить самостоятельность: прибыли от беспощадной эксплуатации труда российских рабочих были настолько велики, что как раз в первую очередь за счет средств, нажитых на имя Альфреда в «Бранобеле» (около 2 млн. руб.; по валютному курсу к началу 1897 г. это составляло 3,84 млн. шведских крон)³⁵, оказалось возможным выполнить его завещание об организации фонда Нобелевских премий³⁶. Большая часть капитала Альфреда была разбросана вне пределов России и в значительной степени присвоена различными родственниками, компаньонами и другими лицами после многолетней судебной тяжбы, в которой российская ветвь Нобелей участия не приняла, ограничившись получением двухлетней рассрочки для передачи в фонд Нобелевских премий принадлежавших Альфреду сумм³⁷. Капитал «Бранобеля» (акционерный, облигационный и запасный) превзошел в 1897 г. 32 млн. руб., и выделение из него 2 млн. руб. в течение двух лет особых трудностей не представляло. В конце того же года один из банковских деятелей России, А. Ю. Ротштейн, в доверительном сообщении ротшильдовскому банкирскому дому, ставшему к тому времени основным соперником нобелевской монополии в сфере российского нефтяного бизнеса, информировал ротшильдовское руководство о том, что акции «Бранобеля» «находятся почти целиком в русских руках»³⁸.

³³ Там же, л. 286.

³⁴ Там же, лл. 299—300.

³⁵ H. Schück, R. Sohlman. Nobel. The Man and His Prizes. Amsterdam—London—New York. 1962, p. 64.

³⁶ Даже весьма пристрастный к своему кумиру А. Нобелю Э. Бергенгрен вынужден признать, что не что иное, как решение именно российской ветви Нобелей об изъятии части средств из российской нефтяной промышленности и передаче их в этот фонд, оказалось «фактически решающим фактором того, что Нобелевские премии вообще смогли возникнуть» (E. Bergengren. Op. cit., p. 146).

³⁷ ЛГИА СССР, ф. 479, оп. 20, л. 513.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1386, л. 14.

Рубеж XIX и XX столетий принес России кризис 1900—1903 гг., глубоко поразивший промышленность и тяжело отразившийся на всем народном хозяйстве. На этом фоне особенно рельефно выглядели хищнические успехи нобелевской монополии. За годы кризиса доля «Бранобеля» в суммарной первоначальной прибыли всех нефтяных фирм России увеличилась с 32% в 1899 г. до 58% в 1903 году. «Бранобель», осуществляя комплексный охват ключевых отраслей нефтяного дела (добыча, переработка, транспортировка, сбыт нефтепродуктов) и превращаясь в концерн, вместе с тем делал основной упор на монополизацию внутрироссийского керосинового рынка. С 1879 г. и до 1917 г. доля продажи керосина «Бранобелем» в России по отношению к совокупному итогу продаж никогда не опускалась ниже 50,1%, а в отдельные годы доходила до 89,3%; по сумме полученных денежных поступлений она ни разу не опускалась ниже 61,6%, а порою доходила до 94,8%. Степень охвата «Бранобелем» внутрироссийского сбыта керосина поднималась с 2,3% в 1879 г. до 51,9% в 1911 году. На захват экспорта российского керосина за границу «Бранобель» никогда особого упора не делал, и его доля тут ни в одном году не поднималась выше 33,9% по весу, тем более что там приходилось иметь дело с более мощными нефтяными монополиями, прочно захватившими рынки до «Бранобеля» и всегда готовыми применить демпинг для удержания их за собой.

На внутрироссийском же рынке заправилы «Бранобеля» чувствовали себя настолько сильными, что, не считаясь с другими фирмами, спокойно снижали или вздували цены на некоторые нефтепродукты. Ознакомление с хладнокровными и циничными, не предназначавшимися для широкой публики эпистолярными документами нобелевской монополии дает возможность осветить ряд сторон деловой активности нефтяных магнатов. Так, в 1908 г. в одном из конфиденциальных документов давались указания о тактике негласной закупки нефти у других нефтедобытчиков по низким ценам, а затем делался вывод: «Политика наша, следовательно, сводится к тому, чтобы теперь, не повышая цен, заручиться товаром, а впоследствии, с наступлением времен более крупных запродаж в России, поднять их путем открытого выступления на рынке в качестве покупателя»³⁹. Задуманный маневр удался. В 1908 г. «Бранобелем» было закуплено 46 599 тыс. пуд. нефти, в 1909 г.— 51 526 тыс. пуд. по средней цене 21 коп. за пуд, в 1910 г.— 55 043 тыс. пуд., в 1911 г.— 47 443 тыс. пудов. Каждый пуд этой нефти был затем реализован «Бранобелем» с огромной прибылью: в 1911 г. она продавалась в среднем по 33 коп., в 1912 г.— по 44 коп., в 1913 г.— по 55 коп. за пуд. Созданная «Бранобелем» разветвленная по всей стране система складов («крепостей») позволяла выгоднейшим образом проводить тактику выжидания либо массового выброса на рынок нефтяных продуктов. Примерно такая же политика осуществлялась в отношении керосина. Если в 1908 г. «Бранобелем» в дополнение к собственному производству было закуплено 18 108 тыс. пудов его, то в 1909 г.— 25 470 тыс. (собственное производство составляло тогда 18 846 тыс.). Закупки шли по 60 коп. за пуд, а продажа в указанные годы проводилась по 1 руб. 21 коп., то есть с высокой монопольной прибылью. В 1908 г. нобелевскому концерну удалось сосредоточить в своих руках 56,9% всего внутрироссийского сбыта керосина.

Роль «Бранобеля» в произвольном снижении и вздувании внутрироссийских цен вскрывается и другими архивными документами: конфиденциальными посланиями нобелевских заправил Ф. Лэйну, главе английской нефтеторговой фирмы «Лэйнд энд Макэндру», игравшей важную роль в торговом распределении нобелевского керосина в Англии. В 1909 г. Лэйн был доверительно информирован о том, что низкий уровень тех цен, по которым «Бранобель» будет сбывать нефть и керосин за границу, объясняется его желанием освободиться от накопившихся у него в России запасов, чтобы иметь возможность затем взвинтить цены⁴⁰. «Бранобель» выполнил этот план: в 1909 г. он несколько снизил цены на нефть и керосин, а к 1912 г. повысил среднегодовую цену на керосин, продаваемый внутри России, с 1 руб. 21 коп.

³⁹ Там же, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, л. 126

⁴⁰ Буквально так в тексте: «We want to get rid of the surplus which we have on our interior markets, in order to be able to put prices up in Russia» (ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, л. 185).

до 1 руб. 33 копеек. За границу же «Бранобель» продавал керосин в 1909 г. по 50 коп. за пуд, в 1912 г.— по 59 копеек. Иначе говоря, зарубежный потребитель стабильно получал керосин по цене несравненно более низкой, чем внутрироссийский потребитель.

Архивы донесли до нас любопытные данные о том, какими мотивами руководствовался нобелевский концерн, проводя игру с ценами на керосин. В одном из писем нобелевского директора Э. К. Грубе другому директору «Бранобеля» И. О. Ольсену (зятю Э. Л. Нобеля) речь идет о стремлении концерна превратить казну, в частности казенные железные дороги, в источник покрытия расходов по борьбе за монополизацию—за счет широких масс налогоплательщиков. Грубе откровенно пояснял этот маневр: «Еще до того, как мы вызвали искусственное повышение цен в Баку, я обратился к министру финансов Коковцову, а также в департамент железнодорожных дел министерства с просьбой о снижении тарифа за перевозку между Баку и Батумом»⁴¹. Действия «Бранобеля» задели не менее корыстные интересы Ротшильдов. В последние годы первого десятилетия XX в. французский капитал в лице парижской ветви Ротшильдов все более убеждался в недостаточной для себя выгоды соперничества с «Бранобелем» на той основе, которая сложилась исторически. Ротшильды действовали главным образом в сфере нефтяной торговли, подчинив себе Батумское нефтепромышленное и торговое общество (БНИТО) и учредив торговое общество «Мазут». «Бранобель», начавший свою деятельность в области российского нефтяного бизнеса раньше Ротшильдов, проник в основные нефтяные отрасли — добычу, переработку, транспортировку и сбыт. По сравнению с Ротшильдами на стороне «Бранобеля» оказалось такое преимущество, как дешевизна более раннего приобретения нефтеносных земель: десятина земли, стоившая в начале 70-х годов XIX в. всего несколько десятков руб., в XX в. нередко ценилась в сотни тысяч рублей.

Переписка нобелевских директоров с Ротшильдами в конце первого десятилетия XX в. приобрела своеобразный характер. В декабре 1908 г. «Бранобель» просил сообщить, «намерены ли Ротшильды идти с нами, как хотелось бы надеяться, или же они думают действовать иначе». Из другого письма ясно, что «Бранобель» решил «заставлять Ротшильдов идти за нами даже в тех случаях, когда они не согласны с нашими намерениями»⁴². Нобелевские руководители отдавали себе отчет в том, что некоторые совместные мероприятия «Бранобеля» и банкирского дома Ротшильдов являются плодом брака не по любви, а по расчету и что в подобных временных союзах важно быть всадником, а не конем. «Несмотря на все уважение к величию Ротшильдов,—писал Грубе,—я сказал им, что в САИК (общество, основанное в 1900 г. для торговли российскими смазочными маслами в Западной Европе.— И. Д.) у нас значительно более крупные интересы, и поэтому мы должны занимать в этом обществе доминирующее положение. Иначе говоря, я заявил этим господам, что они должны всегда следовать за нами; однако они считают, что не могут давать подобных обязательств на вечные времена»⁴³. В 1909 г. тот же Грубе пришел к выводу об «усталости» Ротшильдов от победоносного для «Бранобеля» соперничества на внутрироссийском рынке. Этот вывод подтверждает сравнительный анализ балансовых данных из «Ежегодников министерства финансов» России. Общероссийская средняя норма прибыли в нефтяной промышленности в 1909 г. равнялась 21,8%; у Нобеля она составляла 36%, у Ротшильдов — 8,9%; в 1910 г. соответственно — 12,3%, 40,4% и 13,3%. Иными словами, «тайственная» для некоторых зарубежных историков причина ухода Ротшильдов в 1911 г. из российского нефтяного бизнеса имела весьма прозаические основания!

Грубе в 1909 г. предполагал, что Ротшильды через некоторое время уступят свое влияние в БНИТО и «Мазуте» англо-голландскому нефтяному тресту Детердинга («Роял Датч Шелл»), а последний постарается договориться с американской «Стандард ойл» о более выгодном для себя разделе мирового нефтяного рынка. «Все это могло бы показаться чистой игрой моей фантазии, если бы Детердинг не прояв-

⁴¹ Там же, л. 464.

⁴² Там же, лл. 133, 200.

⁴³ Там же, лл. 198—199.

лял уже желания купить предприятия Олеум и БОРН и не закидывал к нам удочки насчет совместного приобретения компании Манташева»⁴⁴. Вступление Детердинга вместо Ротшильдов в российское нефтяное дело оказалось для широкой публики сенсационным событием. 1 февраля 1912 г. Г. Детердинг уведомил Э. Л. Нобеля об этом «шаге, который сделал нас так сильно заинтересованными в русском нефтяном бизнесе», и выразил надежду, что «при сотрудничестве с Вашей крупной фирмой могут быть сделаны большие дела»⁴⁵. Однако из конфиденциальной переписки руководителей «Бранобеля» становится очевидным, что Детердинг, недаром прозванный «нефтяным Наполеоном», втихомолку и упорно готовил решительный рывок, уклоняясь от предварительных консультаций с «Бранобелем» и явно желая поставить нобелевскую фирму перед свершившимся фактом.

В одном из писем Лэйну в 1909 г. Грубе просит доверительно информировать его о замыслах Детердинга в отношении России. Детердинг к тому времени уже трижды соглашался встретиться с Грубе, но каждый раз откладывал свидание. Поэтому Грубе интересовался: «Быть может, я прав, предполагая, что г-н Детердинг тянет время, водит меня за нос»⁴⁶. В 1910 г. Грубе сообщал, что на маньчжурском рынке между «Бранобелем» и Детердингом установилось своего рода неустойчивое перемирие, выражавшееся в том, что представителю «Бранобеля» в Маньчжурии удается договариваться с действующим там и находящимся под эгидой Детердинга обществом «Эйшиетик» о ценах на продаваемые нефтепродукты. Руководители нобелевской нефтяной корпорации придерживались линии на сговор, хотя бы временный, с Детердингом, надеясь при его поддержке обеспечить себе устойчивую долю мирового рынка. «До меня дошли сведения, — писал один из директоров «Бранобеля» Детердингу весной 1910 г., — что общество «Эйшиетик» в конечном счете договорилось со «Стандард ойл» относительно торговли керосином в Маньчжурии. Как Вы мне говорили в Берлине, Вы не можете начинать переговоры с нами, не договорившись предварительно с компанией «Стандард ойл». Поэтому я прошу сообщить, соответствуют ли действительности дошедшие до меня сведения»⁴⁷.

Ради соглашения с детердинговским трестом нобелевская монополия готова была идти на значительные уступки, отказываясь от самостоятельного сбыта ряда видов своей продукции за границей: «Наше производство бензина стало ныне столь обширным, что мы неспособны сбыть этот продукт полностью в России и поэтому вынуждены искать выхода для излишков за границей. Думается, для «Эйшиетик» было бы выгодно закупать у нас эти излишки»⁴⁸. Контакт с Детердингом руководители «Бранобеля» искали и в дальнейшем. В марте 1911 г. Ольсен сообщал Э. Л. Нобелю как о достижении, что в Париж «прибывают также Лэйн и Детердинг, чтобы встретиться с тобой и договориться о взаимодействии между детердинговским «Русским стандартом» и нашим Товариществом»⁴⁹. Если в отношениях с оказавшимися в нефтяных делах не столь сильными Ротшильдами руководители «Бранобеля» действовали в какой-то мере с позиции силы и предпринимали порою шаги, близкие к ультиматуму, то по отношению к детердинговскому тресту, более мощному, чем «Бранобель», последний держался менее уверенно, а в будущем руководители «Бранобеля» предвидели в конечном счете сговор Детердинга с Рокфеллером и установление фактического господства «Стандард ойл» на мировом рынке.

Несмотря на неверие его руководителей в перспективность соперничества с более мощными зарубежными нефтяными монополиями на заграничных рынках, «Бранобель» в 1906—1910 гг. предпринял попытку наладить выгодный сбыт российского керосина за границей, используя наметившиеся там противоречия. Количество продаваемого «Бранобелем» на экспорт керосина начинает устойчиво расти, хотя и не доходит до максимума, достигнутого в 1899 г., во время наиболее напряженного, но неудачного для «Бранобеля», раунда борьбы за экспортные рынки. В 1906 г.

⁴⁴ Там же, л. 277.

⁴⁵ «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914», стр. 529—530.

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, л. 253.

⁴⁷ Там же, л. 322.

⁴⁸ Там же, л. 327.

⁴⁹ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 232, л. 21.

«Бранобель» экспортировал 3,165 млн. пуд. керосина, в 1907 г.— 4,597 млн., в 1908 г.— 6,783 млн., в 1909 г.— 8,877 млн., в 1910 г.— 9,857 млн. (последняя цифра составила 31,4% от общероссийского экспорта керосина). Такой рост не случаен. Период 1906—1910 гг. почти полностью совпадает со временем существования так называемого «Европейского нефтяного союза», созданного под эгидой «Дейче Банк», крупнейшего из немецких банков, контролировавшего примерно треть всех капиталов Германии. «Дейче Банк», прочно обосновавшийся к тому времени в румынской нефтяной промышленности, намеревался использовать также русскую нефть, создавая тем самым противовес засилью на германском рынке рокфеллеровского треста «Стандард ойл».

Заправилы «Бранобеля» надеялись путем участия в «Европейском нефтяном союзе» сделать для себя таким же выгодным экспорт керосина на zahraniчные рынки, как это удалось в свое время Рокфеллеру. Однако отвоевать у американских воротил уже захваченный ими европейский керосиновый рынок «Бранобелю» не удалось. Если в начале существования «Европейского нефтяного союза» «Бранобель» располагал в нем некоторым влиянием, то позднее ему отводится подчиненная роль. Экспортировавшийся «Бранобелем» керосин оплачивался в 1906 г. по 53 коп., в 1908 г.— по 52, в 1909 г.— по 50 коп. за пуд; внутри же России «Бранобель» продавал его по среднегодовым ценам от 1 руб. 17 коп. до 1 руб. 35 коп. за пуд. В августе 1910 г. Грубе направил Э. Л. Нобелю письмо, в котором рассматривалась расстановка сил в «Европейском нефтяном союзе»: предполагался сговор Ротшильдов с Детердингом и здесь; поэтому делать дополнительные вложения средств «Бранобеля» в «Европейский нефтяной союз» считалось нецелесообразным⁵⁰. А через месяц Грубе сообщал Ольсену: «Европейский нефтяной союз, к сожалению, не является учреждением, предназначенным для размещения того керосина, который не находит сбыта у нас и у румын. Союз всегда покупает товар там, где он дешевле. Закупки у аутсайдеров снижают цены на наш керосин, да и среди непосредственных участников Союза царит конкуренция, причем оказалось, что мы неспособны состязаться в экспортных ценах с румынами... «Европейский нефтяной союз» плохо служит нашим интересам... Нам следует думать в первую очередь о том, как бы поднять наш сбыт внутри самой России»⁵¹. Вот прямое признание поражения в борьбе за экспортные рынки. В самом деле, начиная с 1911 г. и до краха эксплуататорского строя в России экспорт керосина «Бранобелем» непрерывно падает, постепенно сходя на нет.

Если в экспорте керосина положение «Бранобеля» никогда не было блестящим и вывоз керосина за границу временами становился даже убыточным, хотя и поощрялся царским правительством (по валютным соображениям) в форме снятия акциза с экспортируемого керосина, то в сфере смазочных масел дело обстояло иначе. Насколько тогдашняя бакинская нефть была хуже пенсильванской с точки зрения получения из нее керосина⁵², настолько она была лучше в отношении выработки смазочных масел. Американские дельцы, неуклонно препятствовавшие своей конкуренцией, доходившей до демпинга, сбыту российского экспортного керосина, менее энергично противодействовали проникновению на мировые рынки русских смазочных масел, поскольку не могли с достаточной выгодой удовлетворить количественными параметрами своего производства непрерывно возрастающие потребности машинного парка США и Западной Европы. К тому же в России, где был сравнительно небольшой машинный парк, смазочные масла не находили удовлетворительного сбыта. «В России,— писал Э. К. Грубе,— мы не можем сбыть смазочные масла, здесь для них нет покупателей, поскольку промышленность в целом недостаточно развита. Нам волей-неволей приходится сбывать наши смазочные масла за границу. Существующее для данной цели общество САИК работает гораздо лучше, чем «Европейский нефтяной союз». Однако в составе этого общества можно различить две группы с сильно расходящимися интересами: производители заинтересованы в пол-

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, д. 1747, лл. 406—410.

⁵¹ Там же, лл. 425—426.

⁵² Нормальная выработка керосина из бакинской нефти составляла 31% против 75% из пенсильванской («Нефтяное дело», 1902, № 3, стр. 173).

ном сбыте товара даже без высоких прибылей, торговцы заинтересованы в получении высоких прибылей. Поэтому САИК иногда торгует не только нашими, но и чужими смазочными маслами, затрудняя тем самым наш сбыт»⁵³. Смазочные масла были одним из тех нефтепродуктов, с которыми нобелевской корпорации удалось «пробиться» на зарубежные рынки. Однако в целом «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель», наживавшееся за счет эксплуатации российских рабочих и преимущественного обирания российских потребителей, ориентировало сбыт подавляющей части видов своей продукции именно на внутренний рынок.

Комплексный характер этой монополии, ее перерастание в концерн с широкой номенклатурой выпускаемой продукции позволили руководителям «Бранобеля» уделить большое внимание тому повороту в энергетическом значении нефти, который стал намечаться на рубеже XIX—XX вв. и был связан с изобретением Р. Дизелем двигателя внутреннего сгорания. Значительная часть конфиденциальной переписки заправил концерна связана с их стремлением как можно быстрее воспользоваться открывавшимися новыми, потенциально еще более прибыльными перспективами в энергетическом использовании нефти. В частности, предполагалось переоснастить принадлежавшие компании каспийский нефтеналивной флот и промышленное хозяйство на дизельные двигатели и даже создать собственное производство дизелей, тем более что их изобретатель не сразу нашел деловое сочувствие у ведущих промышленных магнатов в Германии, почуявших угрозу для судеб германской экономической гегемонии в Европе: при избытке, как и в Англии, каменного угля, обеспечивавшего тогдашнее индустриальное могущество, Германия практически не имела собственной добычи нефти⁵⁴. Р. Дизель, патенты которого на изобретение не принимались во внимание, был вынужден обратиться за вспомоществованием (в форме Нобелевской премии) к Э. Л. Нобелю. Просительное послание изобретатель направил ему «лично и доверительно», назвав его при этом «одним из самых первых покровителей дизельного дела»⁵⁵.

Еще в 1892 г. машиностроительный завод «Людвиг Нобель» в Петербурге издал «Руководство по уходу за керосиновыми двигателями» и пытался наладить их производство. Однако использование керосина в качестве энергетического средства не решало проблемы: керосин и без того находил широкий сбыт в качестве осветительного средства, а основной вопрос состоял в использовании остальных, более тяжелых фракций нефти, которые при тогдашнем бакинском варианте нефтедобычи составляли свыше $\frac{2}{3}$ от общего веса сырой нефти. Они, сначала считавшиеся бросовыми, находят затем сбыт в качестве дешевого топлива в паровых котлах, что стало возможным после распространения распылительной форсунки для сжигания мазута, несложное производство которой было освоено, в частности, машиностроительными предприятиями Нобеля. Мазут стал занимать все большее место в сбыте. «Бранобель» довел запасы мазута на собственных и контролируемых им складах с 1888 г. по 1908 г. с 11,5% до 94,7% годового общероссийского потребления. Хорошо освоенное производство форсунок и сосредоточение фирмой больших количеств пригодного для них мазута, распространенность в российской промышленности и транспорте паровых машин делали для «Бранобеля» весьма прибыльным затаенное использование начинавшей уже устаревать паровой энергетики.

Однако игнорировать столь существенный технический переворот, как появление двигателей внутреннего сгорания с их в 5—6 раз более высоким коэффициентом использования тех же нефтепродуктов, которые сжигались «нобелевскими форсунками» под паровыми котлами, было бессмысленно для «Бранобеля» с точки зрения его выгод. Поэтому и возник у его заправил интерес к дизелестроению и моторостроению.

К 1914 г. началось широкое распространение двигателей внутреннего сгорания. На своих заводах Э. Л. Нобель выпускал относительно небольшое количество дизелей; так, в 1913 г. был произведен 81 двигатель общей мощностью 15 081 л. с.⁵⁶,

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1458, оп. 1, л. 1747, л. 427.

⁵⁴ J.-J. Vergeby. Histoire mondiale du pétrole. P. 1961, p. 157.

⁵⁵ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 269, л. 201.

⁵⁶ «Отчет акционерного общества машиностроительного завода «Людвиг Нобель» за 1913 г.». Б. м. Б. г., стр. 11.

из них 34 — для военно-морского ведомства, поскольку тесно связанный с последним Путиловский завод неизменно отдавал предпочтение двигателям петербургского завода Нобеля, даже если они обходились дороже⁵⁷. Однако собственное производство в корыстном понимании Нобеля отнюдь не ограничивалось пределами России. С неменьшим рвением он налаживал выпуск дизелей за рубежом, во взаимодействии с капиталистами Швеции («Эншильда банк») и Германии (Б. Бинг). Влияние Э. Л. Нобеля на эти предприятия было существенным. Один крупный английский судовладелец жаловался Э. Л. Нобелю, что на двух судовых дизелях, «полученных от дизельного предприятия Ваших друзей в Стокгольме», при длительной работе «на полной мощности в 800 л. с. греются подшипники», и выражал надежду на его вмешательство⁵⁸.

Нобелевские заправки переоснастили значительную часть своего нефтеналивного флота на суда с дизельными двигателями и предприняли меры по захвату в свои руки производства двигателей внутреннего сгорания. Однако сначала «Бранобель» было выгоднее ориентировать остальную российскую промышленность и транспорт на морально устаревавшие паровые машины с нобелевскими мазутными форсунками, одновременно сдерживая собственную нефтедобычу и следуя правилу «продавать меньше, но дороже». Этот своеобразный экономический саботаж «Бранобель» последовательно проводил в жизнь с начала XX в. и сокращал добычу нефти (с 79,845 млн. пуд. в 1901 г. до 65,884 млн. в 1913 г.), а вместе с тем повышал спекулятивные закупки нефти у других фирм, укрепляя свое монопольное положение на рынке. В организации заклейменного В. И. Лениным в 1913 г. «нефтяного голода» с бешеным вздутием цен на нефть и извлечением нефтепромышленниками максимальных прибылей⁵⁹ «Бранобель» сыграл ведущую роль. Его нефтепромышленные прибыли за 1912—1916 гг. превысили 119 млн. рублей. Вот один из локальных прообразов того «энергетического кризиса», который недавно искусственно организовали в развитых капиталистических странах современные монополии.

Представляет также интерес вопрос, как складывались в начале XX в. отношения «Бранобеля» с шведским капиталом. Как показывает та же переписка, «Эншильда банк» — крупнейший банк Швеции, традиционно принадлежавший финансовой династии Валленбергов, находился под значительным влиянием российских Нобелей, хотя и не столь решающим, как Волжско-Камский банк, где Э. Л. Нобель был председателем совета и пользовался правом ревизии⁶⁰. Через «Эншильда банк» он возвратил германскому банку «Дисконто гезельшафт» в начале 1910 г. взятые ранее 4 млн. марок⁶¹ и проводил другие финансовые операции. От усмотрения Э. Л. Нобеля в решающей степени зависело получение кредитов как в Волжско-Камском, так и в «Эншильда банке». Имевший 1,5-миллионные обороты в Петербурге шведский предприниматель И. Пальмгрен не случайно обращался в октябре 1910 г. именно к Э. Л. Нобелю с заискивающей просьбой: «Если бы Вы, господин действительный статский советник, захотели бы замолвить за меня словечко в дирекции Волжско-Камского банка об открытии мне дисконтного кредита, я был бы Вам весьма благодарен»⁶². Почти аналогичные просьбы поступали к Э. Л. Нобелю и по поводу получения кредитов из «Эншильда банк». Более того, переписка Э. Л. Нобеля показывает, что через одного из руководителей «Эншильда банк» и Стокгольмского торгового банка К. Фриска влияние Нобеля стало распространяться также на Стокгольмский торговый банк. Характерны письменные просьбы из Швеции об оказании поддержки развитию самой авиационной промышленности, которая в дальнейшем должна была способствовать сбыту нобелевского бензина; об организационной помощи шведской торговой палате в России; об издании в России про-шведской торгово-промышленной газеты; о передаче работ по переоборудованию петербургской канализации шведско-русскому инженерному обществу⁶³. Нобелевский

⁵⁷ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 263, л. 242.

⁵⁸ Там же, д. 274, л. 134.

⁵⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 32—35.

⁶⁰ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 243, л. 39.

⁶¹ Там же, д. 224, л. 362.

⁶² Там же, л. 301.

⁶³ Там же, д. 256, лл. 106, 108; д. 273, л. 62; д. 275, л. 232.

концерн был типичным представителем финансового капитала, являясь как производственной, так и финансирующей организацией.

Э. Л. Нобель поддерживал тесные связи со своими родственниками, имевшими предприятия в Швеции. Взаимный обмен письмами и визитами носил регулярный характер. Сыновья Роберта Нобеля Ялмар и Людвиг, руководившие в Швеции акционерными обществами «Басгадский пригород» и «Нитроглицерин», постоянно советовались со своим двоюродным братом даже по мелким вопросам вроде подбора «лично знакомых скульпторов» для изготовления бюстов основателей «Бранобеля». Более показательно, что шведские родственники регулярно сообщали в Россию о положении с сырьем, заработной платой и дивидендами на Дьюрсхольмском заводе взрывчатых веществ, обращаясь при этом к Э. Л. Нобелю как крупному пайщику предприятия⁶⁴. Кроме того, последний вошел в качестве основного пайщика в создававшуюся в 1910—1912 гг. под эгидой «Эншильда банк» шведскую авиационную промышленность⁶⁵. Связи с шведским капиталом были у Э. Л. Нобеля настолько налаженными, что по его рекомендации на тамошние пороховые заводы пропускали российских военных экспертов для ознакомления с производством. «Мы охотно примем упомянутого артиллерийского офицера, покажем ему часть подробностей порохового производства и опытные стрельбы,— писал весной 1912 г. Э. Л. Нобелю директор акционерного общества «Нобелькрут — Вофорс», бывший ранее ближайшим сотрудником А. Нобеля.— Мы имеем соглашение с динамитным трестом, кончающееся 18 апреля; согласно этому соглашению, мы до упомянутого срока не можем продавать или предлагать порох для военно-морских сил России, за исключением пробных поставок... После указанного дня у нас нет препятствий, чтобы договориться о более крупных сделках»⁶⁶.

Нобелевский концерн, будучи одним из самых крупных российских финансово-промышленных предприятий и имея основные интересы на территории России (сотни нефтяных вышек и нефтеналивных судов, более 500 крупных складов, нефтеперерабатывающие и металлообрабатывающие заводы), вместе с тем был тесно связан финансовыми и производственными нитями с шведским капиталом, стараясь использовать его как своего сателлита, чтобы закрепить известную свободу действий по отношению к нефтяным монополиям мирового масштаба. В целом «Бранобель» проявил относительно высокую способность усваивать и ассимилировать, не теряя самостоятельности, иностранный капитал, причем роль шведского капитала была сведена в «Бранобеле» к вспомогательной и спорадической. Не имели решающего значения и капиталы из других стран, в том числе Германии, хотя услугами немецкого капитала «Бранобель» временами охотно пользовался. К маю 1916 г. из германских банков в числе владельцев «Бранобеля» числился лишь «Дисконто гезельшафт», а доля его акций не превышала 2%⁶⁷. Напротив, в ряде случаев (например, в 1913 г. для расширения производства взрывчатых веществ на заводе в Шлиссельбурге, поставлявшем нитропорох военно-морскому флоту) «Бранобель» сам предоставлял крупные кредиты (в данном случае — 0,5 млн. руб.) германским монополиям⁶⁸. Вот лишь одно из многочисленных проявлений деятельности «Бранобеля» как финансирующей организации.

В. И. Ленин считал нефтяную промышленность одной из самых монополизированных отраслей экономики дореволюционной России. «Возьмите нефтяное дело,— писал он накануне Великого Октября.— Оно «обобществлено» уже предшествующим

⁶⁴ Там же, д. 216, л. 177.

⁶⁵ Там же, д. 256, л. 107.

⁶⁶ Там же, д. 269, лл. 310, 312. Э. Л. Нобель имел возможность оказывать влияние даже на смещение и назначение градоначальников. Достаточно было управляющему Бакинским отделом «Бранобеля» пожаловаться ему на местного «отца города» («К сожалению, подбор на пост бакинского градоначальника генерала Коневского оказался не совсем удачным: у него не хватает власти и крепкой воли; конечно, мы подождем немного, прежде чем предпринимать необходимые шаги для его замены»), как через некоторое время он уже сообщил: «В настоящее время Баку относительно спокоен, новый градоначальник Мартынов, видимо, подходящий человек» (там же, д. 216, л. 10; д. 217, л. 190).

⁶⁷ См. «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917», стр. 133.

⁶⁸ ЛГИА СССР, ф. 1258, оп. 2, д. 273, л. 43.

развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с «дела», уже организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах...»⁶⁹.

«Бранобель» был ведущим капиталистическим хищником в сфере российского нефтяного бизнеса. Достигнутая степень монополизации позволяла его заправилам получать высокие прибыли от изощренной до предела эксплуатации рабочих. Великая Октябрьская социалистическая революция, впервые в истории принесла подлинное освобождение трудящимся, прозвучала похоронным звоном для эксплуататоров, в том числе и для «Бранобеля». 13 ноября 1917 г. в Баку была провозглашена Советская власть, а 28 мая 1918 г. Совнарком РСФСР принял предложение В. И. Ленина о национализации нефтяной промышленности. Четыре дня спустя Бакинский Совнарком издал декрет о национализации нефтяного дела в Азербайджане и сразу же был вынужден принять меры против подрывной деятельности, развернутой директорами нобелевской и детердинговской монополий.

Советской стране тогда предстояли еще тяжелые годы борьбы с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией. Нефтеносные районы были на ряд месяцев насильственно отрезаны от основных промышленных центров. В этот период «Бранобель» взял курс на соглашение с американским монополистическим капиталом, попутно пытаясь использовать его противоречия с английским. Летом 1919 г. во Владивостоке был заключен договор, в котором указывалось, что «для продажи и хранения керосина фирмы «Стандард ойл К⁰» в Нью-Йорке, Товарищество предоставляет всю свою торговую организацию на Дальнем Востоке и в пределах Сибири»⁷⁰. По другому соглашению, подписанному в Париже, «Бранобелем» была продана той же американской корпорации крупная партия бакинского керосина для вывоза через находившийся под контролем английских интервентов Батум.

Однако в апреле 1920 г. была восстановлена Советская власть в Баку. Надежды заправил «Бранобеля» на сохранение какой-то доли самостоятельности внутри капиталистического нефтяного бизнеса быстро улетучились, и 30 июля 1920 г. бежавшие еще ранее за границу главарь «Бранобеля» перешли к спешной распродаже акций. Половина их попала в руки рокфеллеровской «Стандард ойл» за сумму в 11,5 млн. долларов. Фактически «Бранобель» получил лишь 6,5 млн. долл.; остальную часть американские монополисты обещали выплатить либо после падения Советской власти, либо в том случае, если Советское правительство признает права Нобеля⁷¹. Ни того, ни другого, естественно, не случилось. Все средства производства, в том числе и в нефтяной промышленности, навсегда перешли в нашей стране в надежные руки их подлинных хозяев — трудящихся.

⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 169.

⁷⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 2309, оп. 1, д. 87, л. 51.

⁷¹ См. А. А. Фурсенко. Можно ли считать компанию Нобеля русским концерном? «Исследования по социально-политической истории России». Л. 1971, стр. 360.